

Легко заметить, что, будучи основанными на постановлениях Псковской Судной грамоты, ст. 46 и 47 Судебника 1497 г. перерабатывают свой источник именно в том отношении, что называют достаточным наличие двух или трех свидетелей, т. е. того их количества, которое предусмотрено церковно-каноническими традициями в качестве необходимого при публичной проповеди или публичном обличении.

Показания двух-трех свидетелей считались необходимыми при следственном обыске преступников. Причем они практиковались не только для разоблачения еретиков (русские церковные иерархи конца XV в. указывали на необходимость найти двух-трех еретиков с тем, чтобы те указали на других отступников от веры)¹⁰, но и при розыске разбойников светскими (губными) судьями XVI в.: «А на которого человека *говорят языки два или три* (курсив мой. — Г. С.), а в обыску его половина добрым человеком назовут, а другая лихим человеком, а, пытан, сам на себя не учнет говорить, а после того прибудет на него иное лихое дело в розбое или в татбе, и того казнити. А на обыскных людех, которые его одобрили, *взять выть*» (ст. 4 губного приговора от 18 января 1555 г.)¹¹.

Как нам представляется, в губном праве XVI в. отразилось модифицированное влияние канонической традиции. Ведь если это были 2—3 свидетеля при том, кто обличал, поучал и т. д., то прибавление последнего к 2—3 свидетелям давало уже иные цифры — 3—4 свидетеля. И это количество послухов действительно фигурирует в губной документации XVI в. Согласно уже известному нам губному приговору от 18 января 1555 г. (ст. 10), губные целовальники должны были передавать сведения губным старостам о приехавших в их губу преступниках в присутствии трех-четырех свидетелей, которые в случае необходимости могли бы подтвердить, что соотвествующему губному старосте действительно сообщено об имеющихся в его губе преступниках: «У которых губных старост языки говорят в *ыные города* и в *ыные губы*, и те губные старосты посылают к тем губным старостам не с одними грамотами, чтоб тех к ним людей, на которых у них языки говорят, присылати ставити их сь языки с очей на очи, и те губные старосты с тех людей к тем к губным старостам не посылают и грамот их не слушают, и о том старостам меж себе ссылатись, а посылать им меж себя целовальников з грамотами. А целовальники б те грамоты отдавали старостам, взяв с собою сторонних людей, человек *трих или четырех добрых* (курсив мой. — Г. С.); и те старосты к ним против того в том не отпишут, и по тех старост посылати с Москвы приставов, а велеть их ставити перед бояры с тем целовальником, которой з грамотою послан, и с теми людми, перед которыми людми грамоту отдал, ставити с очей на очи. И скажут те люди, *человека три или четыре* (курсив мой. — Г. С.), что перед ними целовальник губным старостам грамоту отдал, и с теми людми суда не дати. И которые губные старосты тех людей не пришлют, а в те поры разбойники утекут, ино половина вытей имати на тех, которые упустили, а другая на тех, которые не прислали»¹². В 1580-х го-

¹⁰ Послания Иосифа Волоцкого. М.: Л., 1959. С. 164, 171, 176, 178.

¹¹ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII в. (далее: ЗАРГ). Л., 1986. Вып. 1, № 6. С. 33. Указанная норма отразилась в губных наказах второй половины XVI в. См.: Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909 / Изд. подг. А. И. Яковлев. (Далее: *Яковлев*). № 7. С. 72; № 8. С. 76—77; № 9. II. С. 85; Памятники русского права. М., 1956. Вып. IV. С. 183; *Зимин А. А.* Губные грамоты XVI века на Музейного собрания // Записки отд. рук. ГБЛ. М., 1956. Вып. 18. С. 219, 223, 227.

¹² ЗАРГ. Вып. 1, № 6. С. 34.